

Гейнрих Эйкен

**История и система
средневекового
миросозерцания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э1

Э1 **Эйкен Г.**
История и система средневекового мирозерцания / Гейнрих Эйкен – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 778 с.

ISBN 978-5-521-39058-8

ISBN 978-5-521-39058-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

самых общих чертах кругъ явленій и идей, среди которыхъ вращается Эйкенъ, надобно очертить почву, на которой онъ выросъ. При этомъ окажется возможнымъ предупредить о тѣхъ предосторожностяхъ, съ которыми слѣдуетъ относиться къ его взглядамъ и построению, и сдѣлать нѣсколько указаній о вопросахъ, упущенныхъ авторомъ, но существенныхъ для пониманія темы и критическаго сужденія о данной ея трактовкѣ ¹⁾.

I.

Чтобы сосредоточиться мыслью на самомъ объемѣ задачи, которую поставилъ себѣ Эйкенъ, и уразумѣть въ общемъ, какъ онъ на нее смотритъ и насколько широко и полно ее охватываетъ, — остановимся сначала на анализѣ двухъ главныхъ словъ, входящихъ въ заглавіе книги — «средневѣковой» и «міросозерцаніе». — Первое изъ нихъ вообще устарѣло и стало безсодержательно. Второе — нѣсколько узко понимается авторомъ.

«Средніе вѣка» — это, какъ извѣстно, названіе, принятое для обозначенія одного изъ трехъ великихъ отдѣловъ общей исторіи въ установленной издавна системѣ ея дѣленія на части. Такимъ именемъ обозначается, примѣрно, тысячелѣтіе, которое приблизительно располагается между паденіемъ римской имперіи на западѣ (V в.) въ началѣ и такъ-называемою эпохою возрожденія, изобрѣтеній и открытій (XV в.) въ концѣ ²⁾. Чтобы удовлетворить своей цѣли, всякая классификація

¹⁾ Пишущій эти слова считаетъ долгомъ сказать, что его участіе въ русскомъ изданіи труда Эйкена ограничивается написаніемъ настоящаго предисловія. Самый русскій текстъ книги составляетъ дѣло одного переводчика. Пріятно было бы надѣяться, что плоды его труда найдутъ сочувственный приемъ въ нашей публикѣ и вызовутъ новый интересъ къ познанію оригинальныхъ особенностей средневѣковой культуры. Широкий и твердый интересъ къ исторіи со всѣми ея отдаленными вѣками, глубоко чувствуемый и смѣло заявляемый — это одинъ изъ важнѣйшихъ во всякую эпоху залоговъ прочности въ идейномъ развитіи общества, одно изъ необходимыхъ условій яснаго пониманія современности.

²⁾ Терминъ этотъ придуманъ былъ въ XVII-мъ вѣкѣ и прежде всего въ интересахъ изученія латинской литературы. Именемъ *media aetas* знаменитый французскій филологъ *Du Cange* (1671 г.) называлъ періодъ ея развитія отъ временъ римскихъ императоровъ Антониновъ (II в. по Р. Хр.) до возрожденія наукъ (XV в.). Какъ элементъ схемы, охватывающей всю исторію, мы впервые находимъ это слово въ рукодѣствѣ, написанномъ нѣмецкимъ ученымъ (профессоромъ въ городѣ Галле) — Келлеромъ (*Christophorus Cellarius*, онъ жилъ 1634 — 1707). Книга его озаглавлена — „*Historia universalis in antiquam, mediam et novam divisa*“. Древнюю исторію авторъ продолжаетъ до временъ Константина Великаго,

(раздѣленіе понятія) должна строиться на опредѣленномъ — яркомъ и положительномъ признакъ, который характеризовалъ бы не только мѣсто данной части дѣлимаго цѣлаго рядомъ съ другими, но и содержаніе ея въ отличіе отъ этихъ другихъ. Между тѣмъ, со словомъ «средняя» или «средневѣковая» исторія (*le moyen âge, das Mittelalter, the middle age, il medio evo*) нераздѣльно связывается лишь «хронологическое» понятіе нахожденія ея между «древнею» и «новою». Причемъ усвоенное «тридѣленіе» всеобщей исторіи условно принято, какъ достаточное мнемоническое пособие для запоминанія нестрой смѣны событій, совершавшихся въ долгій рядъ вѣковъ отъ «начала временъ» до нашихъ дней.

Подобное матеріальное разсѣченіе всего искони движущагося потока человѣческихъ судебъ на древнюю, среднюю и новую части соотвѣтствовало съ грѣхомъ пополамъ потребностямъ періодизаціи исторіи, когда самымъ ея предметомъ представлялся простой послѣдовательный рассказъ о событіяхъ прошлаго. Тогда необходимо было для укрѣпленія всей огромной, хронологически связанной вереницы фактовъ лишь установить нѣсколько демаркаціонныхъ пунктовъ, которые рисовались бы достаточными по числу и достаточно замѣтными по наглядности паузами, облегчающими хронологическое же ея обозрѣніе. Но когда теченіе жизни человѣчества выяснилось, какъ внутренне цѣльный процессъ, и задача ея изученія поставилась, какъ «познаніе развитія человѣческой культуры», дѣло измѣнилось кореннымъ образомъ. Общепринятая классификація, устанавливавшая извѣстный порядокъ въ чисто внѣшней послѣдовательности событій, оказалась неизбежно отсталою: она не могла никакъ удовлетворить «генетическому» принципу опредѣленія фазъ историческаго процесса, объединенныхъ между собою причинно-слѣдственной связью, но и обособленныхъ каждая въ себѣ, въ ихъ индивидуально-типичномъ своеобразіи.

При такой перемѣнѣ въ пониманіи самаго хода исторіи, при переорожденіи самой концепціи ея изслѣдованія интересующій насъ здѣсь традиціонный образъ «средневѣковья» долженъ поблѣкнуть до разложенія; ему предстоитъ какъ бы испариться.—Во-первыхъ, самая пограничная его вѣхи, начальная и конечная ¹⁾, теряютъ всякій смыслъ. Прежде онѣ являлись легко запоминаемыми событіями, которыя ясно

средневѣковую (*historia medii aevi*) до взятія Константинополя турками (1453 г.), а затѣмъ начинать уже новую. См. E. Bernheim, *Lehrbuch der historischen Methode* (3 Aufl. Leipzig, 1903), S. 70.

¹⁾ Положимъ, напримѣръ, прекращеніе императорской власти въ Италіи (476 г.) и открытіе Америки (1492 г.).

и рѣзко подчеркивали входъ и выходъ, собственно говоря, произвольно взятого колѣна, какъ бы вырѣзаемаго изъ всей длинной цѣпи исторіи. Теперь онѣ не могутъ сохранить значеніе, какъ поворотные пункты между тремя культурными возрастами. Въ предѣлахъ упомянутыхъ рамокъ ходячей періодизаціи (внутри «средневѣкового тысячелѣтія») не обнаруживается въ самомъ дѣлѣ единой самостоятельной фазы въ развитіи общей культуры. Во-вторыхъ, и вообще границами между подобными фазами не могутъ являться кратковременные «моменты»: одинъ историческій возрастъ выходитъ изъ другого длительнымъ «переходнымъ періодомъ», въ которомъ особенности болѣе ранняго продолжаютъ еще жить пока образовывается природа болѣе поздняго, и онѣ вмѣстѣ неопредѣленное время какъ бы сосуществуютъ.

Вглядимся внимательно въ суть дѣла. — Дѣйствительно, сколько-нибудь однородно-окрашеннаго историческаго образа слово «средневѣковое», какъ терминъ для дѣленія всемірной исторіи, не представляетъ: въ немъ нѣтъ объединеннаго содержанія. Оно наполняется какъ большой, но не прибранный ящикъ весьма разнообразными культурными типами: мы открываемъ здѣсь — варварскія королевства и феодальные союзы германо-романскаго міра, византійскую имперію, арабскую цивилизацію и другія разновидности ислама, славянство въ племенномъ быту, московское царство, татарскія и турецкую военныя державы. Все это—мало похоже одно на другое; все это развивается не параллельно, взаимодействуетъ не равномерно, между всѣмъ этимъ нѣтъ общей связи. Перегородки средневѣкового періода сколачиваютъ все это насильственно, впиливая одно въ средину, у другого обрубая начала, въ третьемъ сдавливая концы.

Надобно, стало быть, сказать во всякомъ случаѣ, что для изученія «всеобщей исторіи» съ точки зрѣнія современной науки понятіе «средневѣковая» безусловно не соответствуетъ задачѣ естественнаго и правильнаго раздѣленія ея цѣлага на крупныя части, великіе отдѣлы. — Нѣсколько легче примѣняется съ перваго взгляда этотъ терминъ болѣе спеціально къ періодизаціи исторіи западно-европейскихъ, германо-романскихъ народовъ, въ кругу изслѣдованія которой онъ и возникъ ¹⁾. Въ такомъ смыслѣ дѣлались попытки опредѣлить фیزیономію средневѣковой немногими признаками, по возможности, даже одною, самою выдающеюся чертою, извлекая ихъ именно изъ исторіи европейскаго

¹⁾ Будемъ только помнить, что первоначально онъ служилъ орудіемъ дѣленія на періоды лишь исторіи литературы и ея господствовавшего языка; только потомъ имъ воспользовались какъ частью сѣтки, которая должна была привести въ порядокъ все содержаніе исторіи.

запада. Но и тутъ особенно убѣдительно обнаруживается сложность, разнообразіе и многократная измѣнчивость состава соціальной и духовной жизни челоѣчества въ разсматриваемую эпоху и невѣрность представленія, что средневѣковое тысячелѣтіе осуществляетъ въ себѣ типическое культурное единство.

Нѣкоторые изъ подобныхъ характеристикъ построены, какъ на исходномъ фундаментѣ, на матеріалѣ, взятомъ изъ области умственного состоянія и развитія общества.—Разноцвѣтность изображенія объясняется въ такого рода попыткахъ особенностями угла зрѣнія тѣхъ, кто ихъ даетъ. Раціоналисты XVIII-го вѣка, напримѣръ, рисовали средніе вѣка временемъ всеобщаго жестокаго варварства, поголовнаго мрачнаго невѣжества, полной остановки въ работѣ ума надъ теоретическими вопросами познанія міра и практическими задачами улучшенія жизни. «Многовѣковая ночь», «тысячелѣтній метаргическій сонъ» духа—такowymi являлись у свободныхъ мыслителей вѣка просвѣщенія самые подходящіе символы для воплощенія эпохи.—Романтики XIX-го вѣка, наоборотъ, радостно живописали ее, какъ привлекательное «естественное состояніе» первобытной невинности, инстинктивнаго невѣднія зла. По ихъ взгляду тогда господствовали въ душахъ большинства населенія Европы чистыя и сильныя, хотя бы грубыя, чувствованія личнаго достоинства и общественной солидарности; они обезпечивали простую, но неспорченную нравственность, здоровое и созидающее, хотя еще элементарное, мышленіе. Тутъ возникаетъ совсѣмъ иной символическій образъ — благотворнаго обновленія челоѣчества молодильною водою жизни, близкой къ природѣ.

Сколько-нибудь реальное знакомство съ фактами безъ усилія открываетъ совершенную неосновательность обоихъ указанныхъ воззрѣній. Они апіорны, поверхностны и односторонни: они вытекаютъ изъ предвзятыхъ политическихъ или философскихъ доктринъ, подогрѣтыхъ еще боевою реакціей противъ порядковъ жизни или полемическимъ пыломъ другъ противъ друга; они не опираются на анализъ самой исторической традиціи; они захватываютъ каждое лишь одну узкую нить эволюціи и фиксируютъ вниманіе лишь на ея бросающейся въ глаза внѣшности.— Съ одной стороны, только незнаніе средневѣковой старины допускало возможность представленія ея эпохою омертвѣнія умственной дѣятельности и безнадежнаго упадка культуры. Въ глубинѣ ея не прерывалась напряженная работа ума; она только сосредоточивалась въ сузившемся кругу порѣдѣвшей интеллигенціи, только принуждена была пользоваться недостаточными источниками знаній и несовершенными методами изслѣдованія. Средневѣковые люди одушевленно и мучи-

тельно мыслили, страстно и упорно искали. Только поиски эти слишком исключительно направлялись одною цѣлью и на своемъ пути стѣснялись однимъ авторитетомъ. Станнымъ заблужденіемъ было бы представлять ихъ всѣхъ невѣжественными людьми. Варваризація была лишь корою, которая тогда накрыла Европу, да и то не сплошь. Подъ нею оставался богатый фондъ античнаго наслѣдья, который не могъ быть уничтоженъ нашествіемъ племенъ, «одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры». Последнія оказались слабы и для разрушенія: они растворились въ обстановкѣ, въ которую попали, лишь понижая уровень ея цивилизованности. Вспомнимъ, хотя вскользь, такіе историческіе образы, какъ Италия въ остготскія времена и въ эпоху крестовыхъ походовъ, каролингская монархія, папская теократія, университеты, готическое искусство ¹⁾, свободомыслящее богословіе, даже самая «алхимія», если мы умѣемъ понимать, что она сдѣлала для зарожденія новаго естествознанія. Передъ нами пройдутъ здѣсь величественною чередою элементы, которые безспорно были способны создать основу не безсильной и не вялой цивилизаціи. Могучій ликъ знаменитаго сына среднихъ вѣковъ, великаго Данте, блистаетъ передъ нами, наконецъ, какъ особенно неотразимое доказательство того, что рядомъ съ огрубѣніемъ многихъ сторонъ жизни, въ глубинѣ ихъ крылись драгоценныя духовныя сокровища. Чудный гений, единственный въ мірѣ, насыщенный громадною силою высокаго просвѣщенія, громко вопіетъ противъ близорукаго отождествленія съ варварствомъ его матери, средневѣковой культуры. — Такое отождествленіе давно было бы сдано въ складъ отжившаго старья, поржавѣвшаго научнаго хлама, если бы мы не такъ цѣпко держались за банальности, освященныя привычнымъ употребленіемъ. — Нѣтъ надобности много говорить и о томъ, что характеристика, данная среднимъ вѣкамъ романтической школою, такъ же фантастична, какъ только что разобранныя. Нравы средневѣковаго общества, конечно, не отличались вовсе «первобытною невинностью»; они совмѣщали въ себѣ множество особенностей, которыя никакъ не удастся подогнать подъ одну краску, окрестить однимъ именемъ. Мы видимъ

¹⁾ Въ самомъ наименованіи этого превосходнаго продукта или вида пластическаго творчества, каждый, кто чутко всмотрѣлся хоть въ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ готики, увидить кричащее доказательство долго господствовавшаго даже въ образованныхъ кругахъ великаго недоразумѣнія. Все тѣ же рационалисты, которые считали за аксіому, что въ средніе вѣка царило безпросвѣтное варварство, называли «готическимъ» искусство, не имѣвшее ничего общаго съ грубыми «готами», и представляющее собою нѣчто, замѣчательно тонкое, безконечно индивидуализированное, одно изъ самыхъ гуманныхъ и одухотворенныхъ созданій человѣчества.

здѣсь въ различные періоды, въ различныхъ мѣстностяхъ, въ различные вѣка то грубую наивность варварства, то утонченный, но кривой расчетъ ослабѣвшей цивилизації; мы встрѣчаемъ тутъ и импульсы нетронутой непосредственности, то добродушные, то звѣрскіе, и развращенныя страсти общества, испорченного и разлагающагося. Передъ нами обнаруживается то недержанный порывъ *Naturmensch'a*, то сложный идеализмъ культурнаго существа, прошедшаго уже не одну фазу духовнаго развитія. Словомъ и въ нравахъ средневѣковыхъ людей все разнообразно по мѣсту и времени, какъ и въ состояніи ихъ умовъ; поэтому опыты характеризованія немногими всеобъемлющими словами долгой и пестрой эпохи, лишь произвольно и искусственно облакаемой призрачнымъ единствомъ, сами собою обречены на неудачу.

Справедливость только что сказаннаго подтверждается и на разборѣ другихъ подобныхъ же опредѣленій среднихъ вѣковъ по ихъ содержанію, по господствовавшимъ въ нихъ будто бы типамъ жизни. — Обращая вниманіе на общественный строй съ одной стороны, на религиозное развитіе съ другой, ученые историки говорили и говорятъ, что средніе вѣка отличаются повсемѣстно преобладаніемъ феодализма въ первой сферѣ, католицизма — во второй. — Это опять описаніе, ставшее шаблоннымъ, но и оно заключаетъ въ себѣ очень неполную, прямолинейно выраженную историческую истину. Нельзя отрицать, что феодальныя формы быта были характерны для многихъ средневѣковыхъ странъ; но, во-первыхъ, теперь уже становится общераспространеннымъ выводъ о томъ, что процессъ феодализациіи вовсе не составляетъ черты, присущей однимъ западно-европейскимъ народамъ въ разсматриваемые вѣка, но и многимъ другимъ этническимъ и социальнымъ единицамъ въ очень различные моменты ихъ исторической эволюціи ¹⁾. Во-вторыхъ, торжество феодальныхъ началъ типично лишь для нѣкоторой части обозначаемого такъ отдѣла всемірной исторіи: въ раннемъ средневѣковѣ феодализма еще нѣтъ, въ позднемъ онъ во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ другой, чѣмъ въ серединномъ ²⁾. Въ-третьихъ, рядомъ съ феодальнымъ строемъ вскрываются тогда же очень свое-

¹⁾ См. о «феодализмѣ въ первобытномъ обществѣ» и о «феодализациіи» въ различныхъ странахъ за предѣлами средневѣковой Европы въ статьѣ автора настоящихъ строкъ подъ словомъ феодализмъ въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона (70-й полутомъ, стр. 301 и сл.).

²⁾ Рядомъ съ этимъ зародыши феодализма и признаки феодализующихъ теченій вскрываются уже въ римской имперіи. Слѣды же его съ другой стороны сохраняются въ различныхъ странахъ и мѣстностяхъ Европы и въ такъ-называемыя «новыя времена» до самой французской революціи.

образныя другія формы общественной группировки или политической союзности. Можно вспомнить—монархію Карла Великаго и Священную римскую имперію германской націи съ сильно выраженными мировыми и оригинальными «цезаро-папистскими» тенденціями. Затѣмъ еще легко встають передъ глазами города-коммуны, города-республики, также какъ типичныя формы общежитія, развивавшіяся въ ту же эпоху, не всегда согласно съ феодализмомъ и не во всемъ окрашивавшіяся имъ. — Религіозная жизнь средневѣковья равнымъ образомъ не исчерпывается развитіемъ католицизма. Мы отмѣчаемъ тогда же образованіе любопытныхъ вѣрованій и культовъ въ народныхъ массахъ изъ пережитковъ паганизма, приспособляющихся къ христіанству; мы прослѣживаемъ многочисленныя проявленія коллективнаго сектанства, мистическаго индивидуализма, самостоятельныхъ стремленій просвѣщенныхъ людей свободнымъ усиліемъ разума одухотворенной личности разрѣшить религіозную проблему.

Все только что сказанное имѣетъ въ виду пояснить, что подъ общимъ покровомъ мало выразительнаго и неопредѣленно растяжимаго слова — «средніе вѣка» неудачно прячется множество диспаратныхъ историческихъ явленій, совершавшихся на широкихъ пространствахъ въ теченіе долгаго ряда вѣковъ. Многія изъ нихъ развивались независимо другъ отъ друга, вызывались неодинаковыми причинами и не совпадали одно съ другимъ началами, кульминаціями и концами. Многія изъ теченій, наблюдающихся въ этой необъятной исторической средѣ, скорѣе взаимно отталкиваются различіями, чѣмъ сближаются сходствами. Однимъ словомъ серьезное углубленіе въ анализъ матеріала, содержащаго подъ рубрикой средневѣковья, убѣждаетъ изслѣдователя въ необходимости, бесполезности дальнѣйшаго сохраненія этой рубрики въ качествѣ научнаго термина для періодизаціи исторіи человѣчества. Въ ранней половинѣ этой совершенно искусственно объединенной долгой серіи вѣковъ (*le haut moyen âge, das Frühmittelalter*) и наполняющихъ ихъ событіи и явленія—мы видимъ естественное сохраненіе формъ и продолженіе процессовъ, сложившихся и происходившихъ въ античномъ государствѣ и обществѣ. Дальнѣйшее развитіе ихъ было только подорвано собственнымъ внутреннимъ упадкомъ и извнѣ нахлынувшимъ варварствомъ. Въ позднемъ стадіи періода (*le bas moyen âge, das Spätmittelalter*) вскрываются такія теченія—и въ соціальной, и въ духовной исторіи,—какими характеризуются, обыкновенно, уже первый эпохи такъ-называемой «новой» ¹⁾ исторіи—возрожденіе, гуманизмъ,

¹⁾ Это—также весьма мало характерное и содержательное имя!

реформація. Даже самая середина рассматриваемаго отдѣла (*das Hochmittelalter*) заключаетъ въ себѣ, если вниманіе наше переходитъ изъ страны въ страну, очень, такъ сказать, «разномастные» сочетанія элементовъ культуры.

Внутри средневѣковаго тысячелѣтія нѣтъ органическаго самодовлѣнія, типичной индивидуализаціи быта или духовнаго развитія. Поэтому, возвращаясь къ Эйкену, слѣдуетъ сказать, что назвать предметомъ своей книги — «средневѣковое міросозерцаніе», значитъ произвести, въ сущности, очень туманную формулу и не объяснить въ точности взятой на себя задачи. На самомъ дѣлѣ авторъ беретъ лишь одинъ изъ нервовъ слагавшагося тогда творческаго процесса; онъ стремится, какъ выше было уже вскользь отмѣчено, прослѣдить эволюцію католической идеи. Утверждать же, что къ ней сводится умственная жизнь общества даже въ эпоху высшаго разцвѣта папскаго могущества, было бы одностороннимъ и мало историчнымъ симплизмомъ. Внутри среднихъ вѣковъ слагалось много типовъ міровоззрѣній. Ниже будетъ выставлено еще одно ограниченіе, которое необходимо имѣть въ виду, чтобы не обмануться, при чтеніи книги Эйкена, въ ожиданіяхъ, какія могутъ быть вызваны ея заглавіемъ; ограниченіе это будетъ выражаться въ оцѣнкѣ широты историческаго захвата, который онъ даетъ въ своей книгѣ, преобладанія въ ней динамической или статической точки зрѣнія. Здѣсь же казалось небезполезнымъ путемъ критики самаго понятія «средневѣковой» подчеркнуть то, что обыкновенно разумѣется въ сочиненіяхъ по исторіи идей подъ этимъ обширнымъ, но формально-расплывчатымъ терминомъ. Фактически онъ чаще всего служитъ нехарактернымъ, вводящимъ въ заблужденіе именемъ для обозначенія спеціально выработанной папствомъ концепціи христіанства.

Въ связи съ такою именно формулировкою своей задачи и такимъ отождествленіемъ понятій — «средневѣковой» и «католической» или «папской» находится и нѣсколько упрощенное и узкое пониманіе авторомъ термина — «міросозерцаніе».

Для Эйкена міросозерцаніе — это то же, что философская или теологическая система, это — вообще сознательная, построенная разумомъ идеологія. Онъ отвлекаетъ изъ числа признаковъ, которыми данное понятіе могло бы характеризоваться, всѣ ирраціональные элементы. Имъ отбрасываются (или, по крайней мѣрѣ, отгѣсняются) продукты воображенія или поэтическаго творчества, дѣтища настроеній или эмоцій, мистическія интуіціи, повѣрья или суевѣрія, фантазмы, откровенія и т. п. По Эйкену міросозерцаніемъ обладаютъ лишь мыслители или

тѣ, кто у нихъ кто учится, или усваиваетъ ихъ системы. Въ роли создателей «средневѣкового» у него исключительно появляются образованные богословы, теоретики папской теократіи. Невозможно отрицать, что религіозныя движенія массъ, безсознательныя исканія смысла жизни и помимовольныя открытія путей къ нему, захватывающихъ перспективы будущаго, инстинктивный опытъ и народная мудрость, вдохновенія сердца и чашія совѣсти, коллективный энтузіазмъ и его императивныя иллюзіи,—все это, несомнѣнно, могучіе мотивы, напрягающіе дѣятельность познанія. Они порождаютъ въ душѣ личностей и группъ обильные плоды, которые становятся важными камнями при построеніи образа мірозданія. Но эти безчисленныя функціи духа, капризныя и сложныя въ ихъ природѣ, въ безконечно разнообразныхъ и неумовимо тонкихъ линіяхъ ихъ переплетенія и сферахъ взаимодействія, не входятъ, по плану Эйкена, въ разрядъ объектовъ его изслѣдованія. Такое опредѣленіе сущности и предѣловъ основной темы труда лишаетъ книгу автора той отраженной отъ роскошнаго богатства жизни колоритности изображенія, какая особенно привлекаетъ читателя въ чисто историческомъ сочиненіи, написанномъ рукою мастера. Эйкенъ—безъ сомнѣнія, крупный знатокъ и глубокий ученый съ выдающимся талантомъ; но онъ не историкъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ недостаточно реально чувствуетъ дыханіе всей бурной и путанной жизни человѣка и человѣчества съ ея противоборствующими теченіями. Онъ понимаетъ и любитъ лишь идейныя антиноміи и примиреніе ихъ усиліями мысли, добивающейся міропониманія. Мы находимъ въ немъ философа, слѣдящаго за эволюціе избранной идеи и останавливающагося на раскрытіи въ ней кардинальной доктрины, которая должна будетъ въ духѣ ея требованій обнять міръ или стать его душею. Авторъ выполняетъ свою задачу искусно, оригинально и основательно, умно и глубоко. Но онъ придаетъ спеціально избранному имъ вопросу преувеличенно широкое обобщающее значеніе въ жизни эпохи, среди которой развивалась излюбленная имъ идея. Онъ слишкомъ одноцвѣтно окрашиваетъ ея духовное существованіе ряда поколѣній, смѣнявшихся тогда на аренѣ исторіи.

Все сказанное необходимо принимать во вниманіе, обращаясь къ чтенію Эйкена. Книга его заключаетъ въ себѣ исторію одной богословской системы; послѣдняя, правда, стремилась освѣтить и объединить подчиненіемъ своему универсальному авторитету всѣ области земного бытія, направляя его къ небесному вѣчному царству, но все же не исчерпывала умственного содержанія эпохи.

Эйкенъ, озаглавившій свое сочиненіе широкою и разбѣгающеюся формулою, въ текстѣ, однако, ясно опредѣлилъ подъ ея просторною оболочкою хорошо сосредоточенный предметъ изслѣдованія и твердо поставилъ рамки послѣдняго. Онъ хочетъ разсматривать только одно, главенствующее теченіе христіанской мысли, развивавшейся во времена расцвѣта всесвѣтнаго могущества римской церкви. Онъ изучаетъ образованіе католической концепціи міра, поскольку она выразилась въ трактатахъ систематиковъ и идеологовъ папской власти. Авторъ еще точнѣе и отчетливѣ ставитъ свою задачу внутри такъ очерченной темы.—Издавна отмѣчалось раздваивающееся сознаніе историка-наблюдателя противорѣчіе между двумя основными стремленіями христіанства папскаго Рима. Католическая церковь проводила, какъ основу существованія для христіанина, идею отреченія отъ міра (*Weltverneinung*, *Weltflucht*); послѣдняя находила питаніе и осуществленіе въ громадной практикѣ всеобъемлющаго аскетизма, также насаждавшагося громкою церковною проповѣдью.—На дѣлѣ же, вопреки этому, поборники папства добивались подчиненія престолу св. Петра всѣхъ царствъ земли. Отрицаніе міра превращалось какъ бы въ свою противоположность, въ стремленіе къ обладанію, къ власти надъ нимъ; оно, стало быть, невольнo вызывало высокую оцѣнку значенія самого міра (*Weltsucht*, *Weltbejahung*, или, лучше, *Weltbeherrschung*). Воплощеніемъ послѣдняго и сдѣлалась идея міровой теократіи, главный вкладъ папства въ исторію политическихъ ученій.

Рѣзкость антитезы, которая открывается въ соприкосновеніи двухъ указанныхъ доктринъ—отреченія отъ міра и власти надъ нимъ, аскетизма и теократіи—бросилась въ глаза историкамъ ужъ давно ¹⁾. Дѣлались попытки раскрыть контрастъ путемъ вывода той и другой изъ одного корня, именно изъ идеи града Божія (*civitas Dei*), которая со временъ Августина господствовала надъ умами христіанскихъ мысли-

¹⁾ Несогласимость такого противорѣчія особенно подчеркивалась писателями, враждебными католицизму (въ формахъ современнаго клерикализма) и направившими свои научныя изслѣдованія о прошломъ также къ разрѣшенію практической задачи служить интересамъ настоящаго полемикою противъ пережитковъ старины. Съ такой точки зрѣнія интересно вскрывается указанная антитеза между идеями и политикою средневѣковой римской церкви въ соответствующемъ томѣ обширнаго труда бельгійскаго историка—*Fr. Laurent*, *Etudes sur l'histoire de l'humanité* (18 vol. Bruxelles, 1861—70).